

Рудольф Штейнер
Жизнь мира должна быть заново
обустроена в своих основах
Из GA 217a

Лекция для молодежи.

Арнхайм, 20 июля 1924 года

Дорогие друзья, вопрос и стремление, которые живут в ваших сердцах, сердцах молодых людей, которые собрались здесь, могут быть обнаружены живущими в сердцах молодёжи – больше в одном месте, меньше в другом – со времени, которое, исходя из взгляда на развитие человека, называют концом Кали-Юги и зарёй светлого века.

Может возникнуть недоразумение, когда говорят, что заря светлого времени приходится как раз на наше время. Не слишком очевидно, что становится больше света. На самом деле мы могли бы смело сказать, что условия с наступлением нового века стали более тёмными и запутанными. Но положение вещей таково: как мы можем видеть инерцию во внешних физических феноменах, когда тело остаётся в состоянии, которого оно достигло, так же и со всеми людьми – они всё ещё проявляют инертность. Мы можем видеть, как большинство людей сегодня не являются людьми XX века, так что у вас возникает чувство, что, должно быть, видели большинство из них раньше, 100 лет назад или даже ещё раньше. Они не то, чтобы неподвижно застыли в одном периоде жизни, но, я бы сказал, хотя это и может прозвучать парадоксально, - они остались на точке зрения, которая у них была задолго до того, как они родились. Как бы то ни было, если мы рассмотрим духовных существ, которые активно участвуют в земной судьбе, мы обнаружим в них, что человек вышел из возраста, когда он был более или менее бессознательно ведом творческими духами, которые вели его душу, исходя из духовных сил. Человечество вступило в то столетие, когда некоторые духовные существа отошли, а другие, которые развили импульс, ведущий более в направлении человеческой свободы, вступили в эволюцию человечества. Но именно с начала нового века молодое поколение теперь обладает в себе, на глубоко подсознательном уровне, внутренним переживанием, благодаря которому оно указывает на то, что оно чувствует: Нечто сотрясает человеческую эволюцию, подобно землетрясению. Теперь люди придут и скажут: Но это же всегда так было. Молодёжь всегда восставала против чего-то, что устанавливали в определённый период времени пожилые люди или традиция. Очень умные люди скажут тогда: Кронпринцы против императоров. Молодёжь восстает против стариков.

Это, конечно, до определённой степени, всегда имело место. Но чувства, которое живёт в молодых сегодня, отчасти совсем бессознательно, ранее не существовало. И мы можем сказать, что никогда ещё не было такого несоответствия, такого огромного контраста между тем путём, которым внутреннее переживание молодых людей приходит к внешнему выражению, и истинной природой этого внутреннего переживания. Мы видели разные виды молодёжных движений – Вандерфогель и независимые группы с разными названиями, всё возможное в этом роде – этакий уход от всего, что старшее поколение считает сегодня цивилизованным, желание убежать от сил, которые, прежде всего, не хотят называть. С самого начала мне было совершенно ясно, что в широком отношении в нынешнем молодом поколении

на глубоко подсознательном уровне живёт нечто, что содержит необыкновенно полное понимание того, что должно быть значительное изменение во всей человеческой эволюции, подобное землетрясению.

Иногда такие вещи замечаешь потрясающим и убедительным образом. Я всегда люблю вспоминать об одном случае, который произошёл со мной в Норвегии. Ко мне пришёл один очень молодой человек, гимназист. Его хотели отослать, думая, что такой молодой человек мог бы мне только помешать – люди всегда неправильно представляют себе подобные вещи. Карма устроила так, что я как раз выходил из комнаты и попросил его зайти, думая, что нужно с ним побеседовать, хотя он был очень молод. Он сказал мне следующее: «В нас, гимназистах, живёт стремление к чему-то, чего гимназия нам не даёт. Мы хотим основать молодёжный журнал – только среди нас, гимназистов. Не могли бы Вы нам помочь?» «Если дело обстоит так, я всячески помогу», – сказал я. Я ещё немного поговорил с этим молодым человеком, который был гимназистом, хотя до выпускных экзаменов ему было ещё далеко. Стало очевидно, что подсознательно самым ясным образом здесь было представлено то, что часто называют молодёжным переживанием, что действительно малопонятно тем, кто старше.

Я часто спрашивал пожилых людей, как они себе представляют переживание молодых. Их ответы были таковы: Молодое поколение всегда было в оппозиции! Я также спрашивал некоторых молодых людей, которые говорили, что у них есть молодёжное переживание. И снова я не мог получить никакой информации. Тем не менее я осознал, что многие, кто неспособен рассказать об этом, знают это молодёжное переживание на подсознательном уровне. Очень мало что выходит, когда молодые люди говорят об этом, но это определённо и очень ясно присутствует в подсознании. То, что молодые люди совершенно ясно и сильно чувствуют, обнаруживается, например, когда они, так сказать, восхищаются природной панорамой. Люди всегда восхищались подобными вещами, но не так, как это делают молодые люди сегодня. Может быть, молодые люди сегодня делают это куда менее совершенно. Но они это делают так, что отчётливо чувствуют: Мы беспомощны. Мы должны сами достичь простого восхищения природой, прежде всего, при помощи совершенно элементарных сил.

Видите ли, когда встречаешься с чем-то подобным, то глубоко, глубоко чувствуешь, какое богатое внутреннее значение имеет всё это молодёжное движение. Вспомните только тот могущественный призыв к природе, который был, например, у Руссо и его последователей. Это тоже было молодёжное движение, которое пришло к своему выражению взрывным путём, намного более бурно, чем сегодняшнее молодёжное движение. Что из этого получилось? Всё это превратилось в величайшее филистерство XIX века, став именно тем, благодаря чему молодёжь сегодня чувствует себя столь одиноко по отношению к современному цивилизованному человечеству. Всякая жизнь в духе, которая существует, которая существует таким образом, что люди удобно наслаждаются ею или по-настоящему ею раздражены, – всё это устарело. Молодёжь чувствует намного больше, она чувствует это. Здесь я должен, тем не менее придать величайшую ценность более познавательному аспекту. Сегодня так много революционного и реформаторского. Это такая ужасно старая вещь, такая же ужасная, как умирание, – хотеть сделать революцию. Всё это вещи, в которые не может, собственно, врать человек, родившийся на повороте столетий, если только он честен с самим собой. Вот так чувствуют молодые люди. Они чувствуют: «Мы не можем вырасти, даже как дети мы неспособны вырасти рядом со старшими людьми, которыми могло бы быть подготовлено радостное воодушевление по отношению к природе. Нет, мы действительно видели, как души растут диким образом». – И тогда

возникло побуждение: «Прочь отсюда! Куда угодно! Прочь от вещей, которые принесли с собой столетия!»

Теперь вы видите: говоря об этом, я говорю неопределённым образом. Это именно то, в чём нуждается жизнь, - неопределённо, но сердечно. Мы бы исказили её, если бы попытались достичь привычной филистерской ясности.

Теперь это переживание молодёжи - я наблюдал его в утренних сумерках - теперь это день. Я наблюдал его на заре, я смог воспринять разницу между молодыми людьми 70-х годов прошлого столетия, которые также были молоды, способны к воодушевлению, для которых в их юношеском воодушевлении всё старое было серым, и которые в своё время вели себя так же, как ведут себя молодые люди. Я видел - я говорю о чём-то совершенно конкретном, друзья мои, - одного такого представителя в 80-х годах прошлого столетия. Он изжил своё воодушевление тем, что произнёс большую речь по поводу прошедшего 1848 года. Я слушал его речь. «Он собирается стать членом судебного совета», - сказал я. И он им стал. Я встречал других людей, которые даже тогда не могли вписаться в традицию, которая развилась в определённую форму занятий или профессии. Я видел молодых людей, которые рано умирали в 1880-х, потому что для них было просто невозможно сопереживать восходящее развитие человечества. В то время подсознательно существовало одно молодёжное движение, в котором было нечто очень своеобразное, нечто, на что я хотел бы указать следующим образом: в нём было, - не поймите превратно это выражение - в нём было нечто стыдливое, застенчивое. Они бы не признались в своих чувствах. То, что они чувствовали, не достигало поверхности бытия; оно бы скорее зачахло, чем вышло на поверхность. Это, прежде всего, не смогло бы срастись с тем, чего требовало нормальное человеческое развитие того времени. Теперь прошли годы, десятилетия. Чаша стала, так сказать, полна до краёв и переливалась. Застенчивость не могла более продолжаться. Молодые люди должны были спросить себя о том, что причиняло им боль, и к чему они стремились. И вы видите, мы могли наблюдать, как это молодёжное движение вылилось в различные молодёжные объединения.

Относительно недавно некоторые из этих людей присоединились к антропософскому движению. Замечательным образом стало возможным найти определённое взаимопонимание между антропософским движением и тем, что живёт в сердцах молодёжи. Сегодня, спустя совсем немного времени, в самых разных областях произошло вращение и взросление молодого поколения в антропософском движении. Но то, в чём мы нуждаемся, особенно в молодёжном движении, есть определённая воля к человеческому пониманию человека; иначе мы не выйдем за пределы бесплодных дискуссий. По-человечески понять человека! Совершенно безразлично то, что является содержанием наших бесед, то, о чём мы говорим. Существенно лишь то, чтобы в наших сердцах было реальное чувство того, что чувствует другой человек. Здесь мы будем единокорны; здесь снова и снова мы можем прийти к единству. Но это должно быть понято в наших сердцах, и в этом отношении было бы действительно необходимо, чтобы некоторые молодые руководители молодёжного движения развивали больше доверия к правдивости и надёжности антропософского движения. Иначе мы не сможем продвинуться в Молодёжной Секции.

Я изначально чувствовал, что должен основать Молодежную Секцию ради тех, кто ясно и верно ощущает: Молодёжное стремление в сегодняшнем стиле жизни присутствует во мне. Они действительно могли бы собраться в этой Молодёжной Секции Антропософского общества. Тогда мы сможем осуществить то, о чём я говорил в «Листке сообщений» как о молодёжной мудрости. Это не должно быть чем-то педантичным, но чем-то, что работает через сердечное действие, через сердечное понимание между людьми.

Конечно, речь идёт о том, что исследуют на ощупь, что с любовью понимают, как это живёт сегодня в молодёжи. Первым делом мы попытались провести опрос среди молодых людей по поводу того, как они представляют себе молодёжное движение, так чтобы эти мысли могли прийти, может быть, не мысли, а скорее подобное мощным ударам чувство, подобная ударам лопаты воля. Всё это могло бы пригодиться. Ничего из этого не вышло. – Тогда я предпринял более решительные шаги и прямо поставил перед молодыми людьми вопрос. Вы прочтёте его: «Каким, по твоему представлению, должно быть человечество в 1935 году, если в нём должно иметь место то, к чему ты стремишься теперь как молодой человек?» Это нечто, над чем, если воспринимаешь это серьёзно, можно много основательно размышлять, многое основательно почувствовать. Мы действительно продвинемся вперёд, только если продвижение вперёд будет совершенно честным, а не фразёрским – это то, что действительно имеет значение. В каком направлении движется наш старый мир? Если мы вживёмся в старый мир, мы увидим: мы и близко не живём в трёх членах мирового порядка, представленных в трёхчленности. Мы живём сегодня в фразе, мы живём в условности, мы живём в привычке. Фраза, условность, привычка – это то, что распространено во всех областях. Молодой человек с детства слышит, как нужно вести себя с людьми, тем или иным образом. Он не может этому следовать, так как с наступлением нового века он принял в свою душу совершенно новый импульс.

Я уже вполне смог почувствовать, что за десятилетие до окончания Кали-Юги пришло нечто, что было несовместимо с различного рода профессиями, которые пришли по традиции из более ранних времён. Но для меня это было серьёзно. Я сам никогда не приобщался ни к одной профессии. Если бы я погрузился в какую-то из них, то сегодня не было бы антропософского движения. Таким образом, антропософское движение есть нечто, что было создано совершенно независимо от всего традиционного. Малейшая склонность заниматься тем или иным сделала бы антропософское движение невозможным.

Все, кто неспособен понять, что нечто подобное должно делаться с самого начала, являются противниками антропософского движения. Таким образом, антропософское движение есть нечто совершенно молодое. Почему бы молодому не встретиться с молодым? Если у нас есть антропософское движение, которое правдиво, и если молодое поколение нуждается в том, чтобы быть честным, что, прежде всего, необходимо для этого? Мужество! Нечто, чему быстро учатся или не учатся вовсе. Настоящее мужество! Мужество сказать себе: Жизнь мира должна быть заново обустроена в своих основах.

Я никогда не видел ничего иного, что было бы записано в подсознании молодых людей. Это действительно так: Мир должен быть заново основан, начиная с фундамента. Теперь приходят все контраргументы. Люди обсуждают всё возможное и с удовольствием это скрывают. Тогда фальсифицируется нечто, что подсознательно хочет быть совершенно правдивым и нуждается в мужестве. Антропософское движение может быть высокой школой мужества. Конечно, антропософскому движению нелегко стать школой мужества, так как для многих людей сегодня оно не является главным делом в жизни, а лишь чем-то второстепенным. Мы можем видеть это даже внешне. В продолжение времени часто случается, что кто-нибудь просто не знает, как справиться с ситуацией, когда его приглашают на многие мероприятия, происходящие в тех местах, где люди проводят свои летние каникулы, что-то вроде загородной поездки. Почему люди должны заниматься антропософией, вместо того, чтобы, как обычно, пойти на концерт? Это симптом – не плохой сам по себе, – но это симптом, который показывает, что здесь нет решительно действующего мужества, чтобы

вжиться в субстанцию в главном, связать себя с духовной действительностью антропософии, а не с тенью антропософии. Здесь уже идёт речь о некотором чувстве. Я не намерен критиковать, но привлечь внимание к симптомам.

Молодёжное движение должно быть способно найти связь с тем, что я вчера представил как великую цель столетия, как импульс времени Михаила. Но тогда молодые люди должны научиться глубже входить в самих себя, избегать всяких абстрактных мечтаний. Тогда возникают большие проблемы. Никакой филистер не поймёт, когда ему говорят, что Михаил лишился космической интеллигенции, что он остался наверху. Теперь, когда Михаил является нам без того, чем он управлял, речь идёт о том, что человек стоит на земле, чтобы заново завоевать это вместе с ним, для него. Молодые люди поймут это, когда они поймут самих себя. Это сегодня часто будет приниматься за своеобразное поэтическое одеяние чего-то абстрактного. Но оно не таково. Речь идёт о том, что духовное существует. Что мы должны поддерживать связь с духовным. Чтобы у нас также было ощущение того, что духовное проявляется по иному, чем в прежние времена. Солнечная утренняя панорама в прошлом столетии была чем-то, что было сиянием, туманным сиянием духовного мира. Люди видели: за завесой, за туманным сиянием живёт духовное; раньше это было тусклое мерцание; в течение XIX столетия это изменилось, оно стало огненным. Пламя поднимается из неясного света, и сегодня не является истинным следованием примеру Гердера или Гёте в описании восхода солнца. Он стал другим: тогда он был мерцающим, а теперь стал пылающим. Из пламени исходит духовное, воспламеняющее требование духовной активности. Духовный мир принял иной жест по отношению к миру физическому.

Если мы понимаем эти законы духовного мира, будет возможным предотвратить то, чтобы движение XX века стало таким же филистерским, каким стал период пост Руссо. Если нечто, что способно сейчас вдохновить молодых людей, поскольку оно действительно молодо, достигнет понимания духовного мира, который существует, тогда наступит эпоха Михаила. Если же это будет невозможно, филистерство в XX веке станет бесконечно большим, чем то, что последовало после Руссо. Во всех предшествующих столетиях не было такого бравого бюргера, как в XIX, хотя эти ранние века не знали учения Руссо. Мы здесь много говорили о вальдорфском принципе, о вальдорфской педагогике. Самое важное – продолжать расти. Каждый день содержит опасность, что всё прокиснет. – Это то, отчего зависит, чтобы человек не засыпал, привязавшись к привычкам, когда он должен нечто сделать, нечто подготовить. Мы должны научиться создавать пропасть между сном и бодрствованием; мы должны быть способны правильно спать, а также правильно бодрствовать. Мы же непрерывно спим там, где должны были бы бодрствовать. Мы не созданы таким образом, чтобы сказать себе: мы должны снова и снова пробуждаться, иначе все реформаторские и революционные движения будут для нас бесполезны. Именно с самыми лучшими устремлениями дело обстоит намного хуже, когда они захвачены филистерством. Там, где есть сильный свет, есть также сильная тень. Необходимо не выдумывать то или иное, что должно бы произойти, но чтобы люди чувствовали: духовное вовне говорит из пылающей природы, восход солнца стал чем-то иным.

Но наши сердца также стали другими, мы более не несём в своей груди те же самые сердца. Наше физическое сердце затвердело, наше эфирное сердце стало более подвижным. Мы должны найти возможность обратиться к нашему сверхчувственному сердцу. Мы должны понимать духовную науку в этом направлении. Наука о духе, как сухо это не прозвучит, стала чем-то, о чём все говорят. Наука есть нечто совершенно ленивое. Мы должны ясно осознавать, что духовная наука есть нечто, что должно жить в наших

сердцах. Молодые сердца созданы таким образом, чтобы иметь правильные чувства в этой области. Мы должны иметь мужество действительно это промыслить. Шиллер должен был многое сказать миру, исходя из своего вдохновения. Он умер при странных обстоятельствах. Но было сделано вскрытие, и нашли его сердце. Это был пустой мешок, совершенно высушенный и выжженный.

Так будут выжжены все сердца, охваченные обновлением. Если мы хотим воспринимать духовность серьёзно, мы должны мужественно признаться себе: если для нас невозможно внутренне принимать участие в жизни мира, то это потому, что мы должны иметь новые сердца. Мы не должны, однако, воспринять это как простую фразу. Если мы осознаем, что у нас новые сердца, что новые сердца должны чувствовать мир совсем не так, как это делали старые сердца, и если мы примем это совершенно серьёзно, тогда молодёжное движение станет чем-то, подобным пламени, которое будет радостно подниматься навстречу пламени восхода солнца.

Это сможет, однако, произойти не из дискуссий о молодёжном бытии и не из разговоров о переживаниях. В связи с этим переживаешь странные вещи. В Бреслау старшее поколение принимало меня, называя Отцом. Молодые же люди сказали, что я был самым молодым из них, хотя я был втрое старше большинства присутствовавших. Да, в том-то и дело, что можно самому себе в этом признаться. Пламя изнутри, пламя снаружи – оба пламени должны столкнуться. Это не зависит от того, что человек изучает, устанавливает или определяет то или иное. Это зависит от того, чтобы действительно достичь нового вдохновения. Ницше запечатлел прекрасные слова по поводу Мишле. Мишле во многих отношениях кажется человеком, способным к вдохновению. « Мишле, - сказал Ницше, - это вдохновение, снимающее сюртук». - Мишле, когда его посещало вдохновение, почти всегда находил время, чтобы снять свой сюртук. У Мишле всегда находилось время, чтобы с теплом прийти к вдохновению, а также снять при этом сюртук. Можно ощутить, как этот человек надевал шёлковый жилет, и можно почувствовать, как он находил время как прийти к вдохновению, так и медленно снять сюртук. Настоящее же вдохновение таково, что у него нет времени снять сюртук, оно потеет в сюртуке и не замечает, что вспотело. Поэтому вдохновение, мои дорогие друзья, вдохновение – это то, что так потрясает нас, что мы не снимаем сюртука, что мы чувствуем, как нас теснит вдохновение, развивающееся из полной, непосредственной жизни. Мы действительно нуждаемся сегодня в преодолении всего вязкого, усталости. Совершенно бесполезно хотеть быть ясным. Нам также не нужно времени для того, чтобы хотеть быть ясным постарому. Мы нуждаемся в том, чтобы действительно прийти к вдохновению. Вдохновение сделает всё. Тогда будут иметь смысл слова: Вдохновение несёт в себе дух. – Это нечто совершенно естественное. Мы нуждаемся в энтузиазме. Энтузиазм несёт в себе Бога. Это Бог в Слове.

Внутренне срастись с пламенем, которое нынче поднимается, так чтобы импульсы Михаила могли быть приведены к осуществлению! Они не могут быть приведены к осуществлению без пламени. Но чтобы жить и работать, будучи пронизанными пламенем, необходимо, чтобы мы сами стали пламенем. Только пламя не может быть разрушено пламенем. Если мы можем чувствовать таким образом, что мы становимся пламенем, которое не может быть разрушено пламенем, мы можем спокойно позволить нашим физическим сердцам остаться позади, подобно пустым мешкам, потому что у нас есть эфирные сердца. И будет понято, что человечество вступает в новый век, в жизнь духовности. Срастись с духовностью – это будет полным переживанием молодёжи.

